

**ПРИРОДНЫЕ ФАКТОРЫ И ОСОБЕННОСТИ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СИБИРИ
(КОНЕЦ XVI–НАЧАЛО XX вв.)**

В 80-х гг. XVI в. началось присоединение к России огромного края, значительно превосходившего по своей территории основную площадь страны, в которую он вошел. Это огромное пространство, получившее название Сибирь, стало неотъемлемой частью России. Вместе с тем, эта далекая окраина имела немало особенностей. Отличаясь своеобразными особенностями природы, Сибирь имела немало индивидуальных, свойственных только ей черт социально-экономической истории. Попытка выявить эти взаимосвязи и предпринимается в данной статье.

Хотя специальные работы по данной теме автору неизвестны, ряд аспектов темы затрагивался попутно еще до 1917 г. А.П. Щаповым, И. Завалишиным, Н.М. Ядринцевым, М.Н. Писаревым и др.¹ Советские авторы также рассматривали отдельные аспекты названной темы². Однако длительное время советские историки, опасавшиеся обвинений в «географическом детерминизме», не решались специально рассматривать эту серьезную проблему.

Задача данной статьи — наметить основные подходы к выдвинутой проблеме и выявить основные взаимозависимости и взаимовлияния природы и общества Сибири.

Для выявления особенностей природно-общественных связей Сибири конца XVI–начала XX вв. сопоставим эти связи на соседних территориях. Поскольку Сибирь в политическом отношении была теснее всего связана с Европейской Россией, то именно эти вопросы и должны стать основным содержанием исследования. Вместе с тем краткого рассмотрения заслуживает и попытка оценок природно-общественных связей территорий, примыкавших к Сибири с юга.

Историко-географы, изучающие сопряженную историю территорий и населяющих их народов, называют эти крупные ре-

гионы по-разному: историко-культурные области, историко-географические провинции, историко-географические страны. Последний термин, принятый для азиатских территорий В.Е. Рюминым³, представляется наиболее удачным. Поэтому в статье предстоит рассмотреть особенности взаимодействия природы и общества в историко-географических странах Сибири (Северной Азии) и Восточной Европе, отметив также некоторые важнейшие их моменты для таких историко-географических стран, как Средняя Азия и Китай.

Сибирь занимала огромную территорию — 10 млн кв. км, а вместе с Дальним Востоком — 12,4 млн кв. км. Это составляет одну пятнадцатую или двенадцатую (вместе с Дальним Востоком) часть земной суши. Тем самым даже собственно Сибирь превосходила Восточную Европу в конце XVII—середине XIX вв. в два с половиной—два раза. Более половины всего пространства в Сибири занимают горы. Целый ряд горных хребтов имеет высоту более 2 км, а отдельные горы поднимаются выше 3 км. Восточная же Европа гор практически не имеет, они находятся лишь на ее границах, а типичный для нее ландшафт местности — слабоволнистая возвышенность с холмами не выше 200–350 м. Очень существенной особенностью Сибири были мощные горные поднятия на юге — Алтай, Западные и Восточные Саяны. Далее на восток вдоль линии, ставшей здесь южной границей российских владений, также продолжались горные хребты, хотя и не столь высокие. Южные горы, с одной стороны, весьма серьезно влияли на климат, не пропуская в Сибирь теплых ветров с юга, с другой стороны — обусловили направление крупнейших рек Северной Азии к северу, что имело большое значение для обитателей историко-географической страны.

Моря Ледовитого океана, омывающие северную часть Сибири, имели слабое хозяйственное значение, поскольку лед и низкие температуры чрезвычайно затрудняли их освоение. Хотя восточная часть Северной Азии и омывалась морями Тихого океана, имевшими менее суровый климат и лучшие возможности для хозяйственной деятельности, их использование даже с транспортными целями не могло в XVII–XIX вв. иметь большого значения из-за слабой заселенности побережья Тихого океана.

Существенно влияли на условия освоения Сибири особенности климата. Если летние температуры Западной Сибири практически не отличались от восточноевропейских, то июль

в Восточной Сибири был несколько холоднее (12–17° по сравнению с 12–20° в Восточной Европе), а зимние температуры разнились сильно. В Европейской России средняя январская температура составляет от 4 до 20 градусов мороза. В Сибири же январь особенно суров: от 16 до 48 градусов. В связи с этим и сельскохозяйственный период здесь короче: если в Европейской России снежный покров держится от 40 до 240 дней, то в Сибири — от 120 до 280 дней.

Значительно ниже в Сибири суммы активных (выше 10°) температур. Если даже на юге Сибири она не превышает 2100–2400 градусов, то в Центрально-Черноземном районе она составляет 2100–2900°, а на Южной Украине и Северном Кавказе доходит почти до 4 тысяч⁴. Продолжительность безморозного периода на юге Сибири — не выше 120–130 дней, а в Центрально-черноземном районе — 140–160. Поэтому в южных районах можно успешно выращивать такие культуры как озимая рожь и яровая пшеница, нуждающиеся в меньших суммах активных температур (1400–1700°), но нельзя выращивать в открытом грунте культуры, требующие более значительных сумм активных температур, например, сахарную свеклу или виноград. Вместе с тем, были и весьма благоприятные особенности природных условий для развития зерновых культур: наличие значительных массивов плодородных целинных земель в степной и лесостепной зонах, накопление у ряда растений наиболее ценных элементов из-за повышенной сухости воздуха в летний период и др.⁵

В связи с более суровыми климатическими условиями в Сибири возделывалось значительно меньшее количество сельскохозяйственных культур. Судя по спискам, составленным автором статьи, в начале XVIII века в Европейской России возделывалось 55 видов культур, а в Сибири — всего 14. В середине XIX в. число культур возросло в Европейской части до 113, а в Сибири — до 29. Меньшее разнообразие возделывавшихся в Сибири растений было связано также и с более коротким временем русского земледелия в Сибири.

Что же касается сравнения урожайности, то при господстве в Европейской России крепостного права (1840–50-е гг.) урожайность в Сибири была несколько выше, чем в европейской части страны (сам 3,5 в России и 3,6–4,0 в Сибири), после же отмены крепостного права (начиная с 1880-х гг.) Сибирь постепенно отстает от роста урожайности в европейской

части. И если перед Первой мировой войной урожайность в Европейской России поднялась до 5,2–5,5, то в Сибири она увеличилась лишь до 4,6–4,7. Своеобразной особенностью сибирского земледелия было и значительная разница между двумя ее основными частями в урожайности. Восточносибирская пашня была на 10–25% менее урожайной, чем западносибирская. Если в Западной Сибири с 40-х гг. XIX в. до начала десятых годов XX в. урожайность изменилась от 3,9 до 5,0, то в Восточной лишь с 3,3 до 3,9.

Северная граница распространения земледелия проходила в Сибири южнее, чем в Европейской России. По данным В.И. Шункова, в конце XVII в. самые северные земледельческие слободы располагались по Иртышу и Оби на 59° с.ш., по Енисею — почти на 62° с.ш., по Лене — у Якутска (52°)⁶. К концу периода феодализма эти же границы шли у Иртыша через село Ряполовское (59°), у Енисея через волость Анциферову (около 60°), по Лене до 62° у Якутска. Однако имелся небольшой земледельческий район по Вилюю (64° с.ш.) у Березова (бассейн Оби, около 64°). Кроме того, существовали уже районы земледелия на Камчатке (до 57°) и на западном побережье Охотского моря (до 59°30')⁷. В Европейской России из-за более мягкого климата эта же граница шла значительно южнее, по 64–66 параллелям.

Сибиряки в XIX в. были лучше обеспечены скотом, чем крестьяне Европейской Сибири. В 40–50-х гг. XIX века в Западной Сибири было 702 тыс. лошадей, 1113 тыс. голов крупного рогатого скота, 1452 тыс. свей; во всей Сибири имелось 266 тыс. оленей⁸. В Европейской же России примерно в то же время насчитывалось 16,7 млн лошадей, 23,2 млн коров, 39 млн овец⁹. Если сопоставить эти цифры с количеством населения, получится, что на сто человек приходилось в Сибири 56, а в Европейской России — всего 26 лошадей, коров было соответственно 63 и 36, овец в Восточной Сибири 140, а в Европейской России — 61. Отчасти это объяснялось тем, что у местных народов имелось немало скота, но и русское население имело его больше, чем обычный русский крестьянин. Большое число лошадей требовалось в Сибири ввиду значительных расстояний, огромного значения транзитных перевозок, для нужд горной промышленности. Обилие незанятых земель, заливных лугов также благоприятствовали скотоводству.

Северная граница скотоводства проходила в Сибири в середине XIX в., ближе к полюсу, чем граница земледелия, потому что дикие сочные травы в долинах рек растут и при более суровом климате. По Оби эти границы проходили по 67 градусу с.ш., по Енисею — по 68 градусу¹⁰.

Что касается ресурсов для горнодобывающей промышленности, то в Сибири было много разнообразных, ценных и богатых месторождений минералов, но они располагались в разных местах. Урал обладал тоже достаточно крупными и разнообразными месторождениями, но они располагались компактно. На территории же Восточно-Европейской равнины минералов было мало, и они редко отличались высоким качеством.

Сибирь давала также немало драгоценных камней. Часть из них обрабатывалась на Колыванской гранильной фабрике. Уникальным для России было Боготольское месторождение графита в Саянах.

Благодаря сибирским ресурсам страна получила немало ценных минералов: из 86 горных пород и минералов, добывавшихся к моменту крестьянской реформы в России, не менее 12 принадлежали только Сибири¹¹. Это — касситерит (на берегах Онона, из него добывали олово); киноварь (дававшая ртуть — в Нерчинском округе); лазурит, флогопит, флюорит, церуссит, гессит, смитсонит, ковеллин, халькозин, галенит, сфалерит. Своеобразной особенностью сибирской горнодобывающей промышленности была концентрация ее в южных, более обжитых и удобных для жизни районах.

Немалое значение для экономического и финансового положения России в XIX–начале XX в. имела добыча золота в Сибири. Сделав резкий скачок в развитии этой отрасли производства во второй четверти XIX в., Сибирь в середине века стала давать 70–78% от всей добычи золота в стране. Россия становится крупнейшей золотодобывающей державой. В 1848 г. страна получила 1731 пуд золота, что составило 60% мировой добычи¹². Роль Сибири как поставщика золота еще более укрепилась в период капитализма. Россия сохраняла и в это время мировое первенство в добыче золота. Благодаря большим масштабам золотопромышленности, лишь за шесть лет, с 1891 по 1897, золотой запас страны увеличился на 446,8 млн руб. Сибирь в период капитализма поставляла стране около 80% всего драгоценного металла. Золотопромышленность по стоимости продукции, чис-

ленности рабочих стала крупнейшей отраслью горного дела в Сибири и приобрела общегосударственное значение¹³.

Важной особенностью развития транспорта в Сибири было то, что морские сношения играли для Сибири меньшую роль, чем для Европейской России. Правда, Тихий океан дал возможность разведать и частично освоить, через Сибирь и Дальний Восток, Алеутские острова и побережье Аляски (середина XVIII в.—1867 г.). Хотя крупнейшие сибирские реки текут в основном на север, благодаря тому, что реки различных бассейнов довольно близко подходят друг к другу, оказалось возможным создание многотысячного водного пути (с использованием волоков), связывавшего в XVII—XVIII вв. центр страны с побережьями Северного и Тихого океанов. Довольно частые на сибирских реках мели, пороги, шивера, необходимость «переволокиваться» значительно ограничивали размеры судов. Плавание по сибирским рекам было более трудным и потому, что лед на них держался дольше: от 5 до 8 месяцев вместо 2–7 месяцев в Европейской России. Поэтому при движении на далекие расстояния нередко приходилось зимовать на том месте, где судно застал ледостав, что значительно увеличивало время пребывания в пути. Так, в начале XVIII в. хлеб от поморских городов до побережья Тихого океана шел 5 лет¹⁴. После проведения в 60-х гг. XVIII в. Московского тракта через Сибирь основную роль в сибирских перевозках стали играть гужевые пути¹⁵.

В отличие от Сибири, в Европейской России в середине XIX в. водный транспорт оставался главным; несмотря на значительно меньшую территорию, здесь гораздо больше рек использовалось для доставки товаров: не менее 60, а в Сибири — не менее 24 рек¹⁶. Из сибирских рек лишь по восьми движение осуществлялось вверх и вниз по течению, на остальных шестнадцати велся лишь сплав товаров и леса по течению.

Когда в конце XIX в. была проведена Транссибирская железнодорожная магистраль, имевшая огромное значение для хозяйственной жизни Сибири, крупнейшие реки Сибири оказались расположенными перпендикулярно к ней и стали играть роль подъездных путей к железной дороге. Проведение железной дороги во многом изменило и особенности организации сибирской торговли, сохранявшие свое значение многие десятилетия: «В характере торговли Сибирская железная дорога про-

извела радикальное изменение в том смысле, что значительно сократила потребность в крупных оптовых посредниках, которые раньше держали всю Сибирь в своих руках, диктуя свои монопольные цены. Прежде, при отсутствии усовершенствованных путей сообщения, было необходимо делать годовой запас товаров в крупных центрах (Томск, Иркутск), перераспределявших свои запасы между более мелкими местными рынками.оборот был медленный, кредит долгосрочный. Теперь для каждого среднего и даже мелкого торговца явилась возможность непосредственных сношений в течение всего года с продавцами из первых рук в Европейской России и даже за границей. Товар доставляется непрерывно в течение всего года по железной дороге мелкими партиями, а вместе с тем торговля стала более мелкой, стала требовать меньше оборотного капитала и менее продолжительных сроков кредита»¹⁷.

Для Сибири дооктябрьского периода огромное значение имел охотничий промысел. Причем особенно важна была добыча пушного зверя. Это объяснялось тем, что пушной покров приобретает особенно высокие качества именно в местах с наиболее холодным климатом. В середине XIX в. известный знаток сибирской охоты А.А. Черкасов отмечал, что шкуры сибирских «медведей гораздо выше доброкачественностью, нежели медведей, убиваемых в Европейской России. Здесь шерсть из них гораздо пушистее, мягче, длиннее»¹⁸. Поскольку из всех сибирских районов наиболее суровым был климат в Якутии, именно якутские соболя ценились наиболее высоко, а соболя Западной Сибири, где зимы теплее, ценились значительно ниже. В начале XIX в. в зависимости от качества и места добычи сибирский соболь продавался от 2 до 100 руб. за шкурку¹⁹. В XVII в. русские промышленники продвигались в Сибирь главным образом для добычи ценнейшей собольиной пушны. Поскольку качество сибирской пушны было значительно более высоким, чем восточноевропейской, сибирские меха играли огромную роль в торговле пушниной, как в России, так и за границей. В «Исторической географии СССР» совершенно справедливо отмечается: «Для XVII в. Сибирь стала основным поставщиком продукции охоты на рынки Европейской России ... Громадная территория, слабо заселенная, имевшая поистине сказочные пушные богатства, на долгое время превратилась в область добычи пушны, шедшей, прежде всего, в го-

судареву казну. Все остальные районы промысловой охоты, по сравнению с Сибирью» потеряли прежнее значение, стали второстепенными»²⁰. В XVIII–начале XX в., в результате массового истребления в Сибири соболя, главную роль в пушном промысле играет белка, но преобладание сибирской пушнины на российских рынках сохраняется. Так, по сведениям начала XX в., из общего количества пушнины, отправляемой из России на международный рынок, на долю Сибири приходилось по семи основным видам пушных зверей от 33 до 97%²¹.

Своеобразной особенностью сибирских промыслов была также добыча мамонтовой кости, достигшая значительных размеров. В Европейской России этого промысла не было, так как не было и массовых захоронений мамонтов. В Сибири же за полярным кругом, в условиях вечной мерзлоты, сохранились многочисленные остатки мамонтов. Особенно богата мамонтовой костью была Якутия, откуда только в 1891 г. было вывезено 700 пудов кости на сумму около 15 тыс. руб.²² В 90-х гг. XIX в., из Сибири вывозилось от 8,3 до 32 тонн мамонтовой кости ежегодно. По приблизительным подсчетам Б. Митропольского, к 30-м гг. XX в., за два с половиной столетия из Сибири было вывезено до 48 тыс. пар бивней мамонта²³.

Природная среда оказала большое влияние на характер расселения жителей Сибири. Особенности климата и растительности, почва во многом определяли, в комплексе с конкретными особенностями хозяйственной и политической истории, плотность населения, интенсивность притока переселенцев. Для выявления системы взаимосвязей имеет смысл разделить всю заселявшуюся территорию на три зоны. Северная зона, включающая в себя ареалы тундры, лесотундры, северной и средней тайги, отличается очень низкими зимними температурами, чрезвычайно кратким вегетационным периодом, почвами и низким плодородием. Эта зона отличается экстремальными или близкими к ним условиями жизни для человека, она практически исключает возможность земледелия в условиях открытого грунта. Поэтому эта полоса почти на протяжении трех веков была заселена лишь небольшим количеством аборигенов, выработавших способы успешного ведения хозяйства и жизни в крайне суровых климатических условиях. По данным 1911 г., территория этой зоны составляла 4425 тыс. кв. км²⁴.

Средняя зона, зона южной тайги, уступала по размеру северной, составляя 3783 тыс. кв. км, но отличалась менее суровым климатом, наличием в ряде местностей относительно плодородных почв, более разнообразной растительностью. Эта территория давала возможность заниматься не только рыболовством и охотой, но и хлебопашеством. Поэтому и плотность населения здесь была выше, чем в северном поясе.

Наиболее же благоприятным поясом был Южный, включающий в себя лесостепи (в том числе участки лесостепей в Восточной Сибири — районы Красноярска, Иркутска, Балаганска), степи и южносибирские горы. Этот пояс был самым маленьким по территории — 1739 тыс. кв. км.), но всегда имел наибольшую плотность населения.

Посмотрим, как выглядели соотношения в населении этих зон за 200 лет, в 1710, 1851 и 1911 гг.

Вот данные за 1710 год²⁵.

Города с уездами	Число жителей (тыс. чел.)
Северный пояс	
Березов	1,9
Сургут	1,1
Мангазея	1,4
Пельм	1,7
ИТОГО	6,1
Средний пояс	
Тобольск	141,3
Верхотурье	33,2
Туринск	8,4
Тюмень	18,9
Тара	10,4
Томск	22,3
Нарым	1,4
Кетский острог	0,6
Енисейск	16,9
Илимск	12,1
Якутск	4,2
ИТОГО	269,7
Южный пояс	
Кузнецк	5,1
Красноярск	8,7
Иркутский острог	15,8
Нерчинский острог	7,0
ИТОГО	36,6
ВСЕГО В СИБИРИ	312,4

Таким образом, в начале XVIII в. основная масса населения была сосредоточена в средней полосе, где размещалось

более шести седьмых всего населения. Это, очевидно, отражало практику расселения и хозяйствования, сложившуюся еще в XVII в., когда русские промышленники стремились, прежде всего, к добыче соболя, ареалом обитания которого является тайга, когда еще не было сухопутной дороги, проложенной через всю Сибирь, и основными путями сообщения были реки, когда слабо использовались достаточно плодородные земли южного пояса.

Данные IX ревизии (1851 г.) позволяют выявить уже совершенно иную картину²⁶.

Округа, уезды	Число жителей (чел.)
Северный пояс	
Березовский	21558
Туруханский край	5966
Верхоянский	13704
Колымский	5946
ИТОГО	47174
Средний пояс	
Тобольский	88712
Тюменский	83708
Тарский	69992
Туринский	49129
Ялуторовский	136003
Томский	85772
Енисейский	34138
Киренский	28516
Олекминский	11281
Вилуйский	47548
Охотский	4712
Якутский	123839
ИТОГО	763350
Южный пояс	
Ишимский	150282
Омский	86937
Бийский	104702
Колыванский	72964
Забайкальская обл.	227069
Курганский	147960
Барнаульский	77721
Каинский	56098
Кузнецкий	72221
Ачинский	45280
Канский	46461
Минусинский	59671

Как видно, за сто сорок лет, прошедших между этими переписями, произошли серьезные изменения. Сведения 1911 г.

также свидетельствуют о продолжавшихся переменах в расселении жителей Сибири²⁷. Территории, называвшиеся раньше округами, носят теперь название уездов.

Уезды	Число жителей (чел.)
Северный пояс	
Березовский	26870
Туруханский	15440
Колымский	7012
Сургутский	9931
Верхоянский	15633
ИТОГО	74886
Средний пояс	
Тобольский	152976
Тюменский	140255
Тарский	252851
Туринский	96767
Ялуторовский	230065
Томский	617907
Енисейский	76215
Маринский	266190
Киренский	74775
Олекминский и Витимский	29250
Верхотурский	93000
Вилуйский	76309
Якутский	162849
Олекминский (Якут. обл.)	15384
ИТОГО	2284793
Южный пояс	
Ишимский	380963
Тюкалинский	325253
Бийский	443792
Змеиногорский	423333
Забайкальская обл.	868790
Курганский	359308
Барнаульский	1300000
Каинский	369265
Кузнецкий	253259
Ачинский	184314
Канский	236504
Минусинский	264817
Нижнеудинский	135525
Красноярский	179617
Иркутский	221325
Усинский погр. окр.	9502
Балаганский	196125
ИТОГО	6151692
ВСЕГО В СИБИРИ	8511371

Итоговые цифры представлены в следующей таблице:

Годы	1710 г.			1851 г.			1911 г.		
Территории	Абс. (тыс.)	%	На 1 км ²	Абс. (тыс.)	%	На 1 км ²	Абс. (тыс.)	%	На 1 км ²
Север	6,1	1,90	0,0015	47,2	2,1	0,01	74,9	0,9	0,017
Средний пояс	269,7	86,3	0,08	763,4	33,7	0,2	2284,8	26,8	0,6
Юг	36,6	11,8	0,02	1457,6	64,2	0,9	6151,7	72,3	4,0
Сибирь	312,4	100,0	0,03	2266,2	100,0	0,2	8511,4	100,0	0,9

Приведенные в таблице сведения позволяют прийти к следующим выводам. В начале XVIII в. северный пояс, занимающий 44,6% всей территории, играл очень небольшую роль в размещении сибирского населения. Подавляющая его часть располагалась в среднем поясе, занимавшем 37,9% Сибири. Южная полоса, территория которой составляет 17,5% всей площади края, несмотря на более благоприятные условия, была заселена в полтора раза реже, чем вся Сибирь.

Очевидно, более плотному заселению ее мешало отсутствие сухопутной дороги, связывавшей Сибирь с Европейской Россией и проходившей через всю ее территорию, а также недостаточная защищенность южных границ России в Западной Сибири. Наивысшая плотность населения была в среднем поясе, составляя 0,08; она превосходила плотность населения на Юге в четыре раза, а на севере — более чем в 50 раз.

Спустя четырнадцать десятилетий картина расселения сибиряков в этих зонах резко изменилась. Доля Севера несколько увеличилась; доля среднего пояса сократилась более чем в 2,5 раза и составила лишь треть всех жителей Сибири. Быстро заселялся Юг, доля которого приблизилась к двум третям. Наивысшая плотность населения наблюдалась теперь на Юге (0,9), превосходя в 4,5 раза плотность размещения в Среднем поясе, и в 90 раз — в Северном.

В 1911 г. доля населения Севера упала более чем в два раза и составила всего 0,9%; примерно на четверть уменьшилась доля и Среднего пояса. Южный пояс продолжал играть роль основного резерва в колонизации Сибири, и его доля приблизилась к трем четвертям всего населения края. Плотность

населения Севера возросла за 60 лет всего на 70%, а остальных зон — примерно в 3–4 раза.

За эти два века медленнее всего росло население Среднего пояса: всего лишь в 8,4 раза; за первые 141 год — в 2,8 раза, а в последующий период — еще в 3 раза. Население Севера за весь период возросло в 12,3 раза. По сравнению с этими двумя поясами стремительно развивался Юг, благоприятные природные возможности которого стали активно использоваться после 1710 года. За два столетия число его жителей увеличилось в 168 раз! Особенно быстро оно росло до 1851 г., превзойдя первую цифру в 39,7 раза. В дальнейшем темп роста замедлился, составив за последующие 60 лет всего 4,3 раза.

В итоге двухсотлетнего заселения Сибири еще более резкими стали различия в размещении ее жителей по поясам. В 1911 г. Юг был заселен в 235 раз плотнее, чем Север (а в 1710 г. — средний пояс был заселен плотнее Севера в 53 раза). Разница в густоте размещения жителей Среднего пояса и Юга почти не увеличилась (она изменилась с 4 до 6,7 раза), но наиболее плотно заселенным поясом стал в XIX в. Юг.

Для второй половины XIX–начала XX в., районы активного заселения Сибири детально рассмотрены В. В. Покшишевским. Он справедливо отмечает, что эта территория представляла собой очень небольшую часть Сибири. «Мы можем оконтурить ее в виде клинообразной полосы, которая тянется в широком направлении непрерывно от Урала до Байкала, продолжаясь в Забайкалье уже в виде отдельных пятен. Ширина этой полосы в общем уменьшается с запада на восток, но при этом как бы пульсирует, имея значительное «утолщение», главным образом за счет своей южной границы: первое между Иртышом и Обью (Алтай), второе — в верхнем течении Енисея — Минусинский район»²⁸. Далее В. В. Покшишевский отмечает, что до Оби ширина этой полосы колеблется от 350 до 750 км, между Обью и Енисеем составляет 200–250 км, а за Енисеем сужается до 200 км. Общую площадь этой территории, которую В. В. Покшишевский называет «колониационным бассейном», он определяет в 1,2 млн км., т. е. примерно восьмую часть всей площади Сибири.

Хотя наибольший интерес представляет собой сопоставление особенностей природы и истории Европейской России с Сибирью из-за сопряженности их исторических судеб, имеет смысл хотя бы очень схематично рассмотреть также осо-

бенности по сравнению с Сибирью двух соседних историко-географических стран — Китая и Средней Азии. Китай, обладавший такой же огромной территорией, как и Сибирь (около 10 млн кв. км) и весьма разнообразными природными условиями, в целом имел значительно более теплый климат, плодородную почву, на востоке — доступ к теплым морям. Очевидно, эти благоприятные природные условия способствовали раннему развитию китайской цивилизации, высокой плотности населения. В 1711 г., его численность составляла более 100 млн, а в 1915 г. — 435 млн²⁹, что дает плотность, разную примерно 10 человек на кв. км. для первой даты и 43 человека — для второй. Условия жизни общества в Китае сильно отличались от сибирских. Благодаря тому, что северные районы Китая были в основном гористыми и слабо заселенными, а также потому, что природные условия Сибири и Дальнего Востока были достаточно суровыми, императорские правительства не очень активно стремились завоевать эти территории, что и помогло их присоединению к России.

На юго-западе сибирские степи граничили с землями Средней Азии и Казахстана. Эта территория составляла примерно 2,7 млн кв. км. и, хотя в целом была заселена слабо, плотность населения здесь была в несколько раз выше, чем в Сибири. Число жителей здесь возросло с 2,6 млн в 1867 г. до 11 млн в 1916 г., а плотность населения — 1 до 4 чел. на кв. км. Этот регион имел в основном весьма теплый климат и на территориях подгорных полос и оазисов при наличии ирригации создавались хорошие условия для сельскохозяйственного производства. Здесь существовали древние государства, обладавшие высокой культурой. Однако такие пространства занимали лишь около 20% всей площади; большая же часть представляла собой пустыни или непригодные для развития хозяйства высокогорные почвы³⁰. Отсутствие выхода к морям, оторванность от ушедших в XVII–XIX вв. вперед европейских стран способствовали существованию в сазисах целого ряда феодальных государств с консервативным социальным строем.

Каковы же важнейшие черты социально-экономической истории Сибири, связанные с особенностями природных условий? Прежде всего, это — низкая плотность населения. Для начала XVIII в., как видно из приведенной выше таблицы, она составляла 0,03 человека на кв. км, для 1850 г. — 0,2 и для

1911 г. — 0,9. Поэтому Сибирь была в десятки раз слабее заселена, чем Европейская Россия. В 1863 г. население Сибири было более разреженным, чем в России, в 40 раз, в 1913 г. — в 32 раза³¹. Вместе с тем, для XIX–начала XX вв. характерна концентрация основной массы жителей Сибири в южной полосе, где плотность населения была в это время примерно в 4 раза выше среднесибирской.

Эта особенность приводила к значительно большей, чем в России, разреженности населенных пунктов, к большим по размерам территориальным единицам. Так, в начале XX в. каждая крупная территориальная единица (губерния или область) в Европейской России имела среднюю территорию 63 тыс. кв. км. В Сибири же в это время было десять губерний и областей, средняя площадь которых составила 1091 тыс. кв. км³². Таким образом, сибирский губернатор управлял территорией в среднем в 17 раз большей, чем его российский коллега. Большими размерами отличались и низшие сибирские территориальные единицы. Известно, что сравнительно скромные по сибирским масштабам Ишимский и Тюкалинский уезды Тобольской губернии превосходили по своим размерам такие страны, как Дания и Швейцария³³.

Видимо, в несколько раз большими были и расстояния в Сибири между городами. Подсчет расстояний по прямой между ближайшими губернскими и областными городами Сибири начала XX в. дал среднее расстояние 840 км. Для сравнения были подсчитаны подобные же расстояния между северной частью российских городов (севернее 56 параллели). Эти 16 городов составляли примерно пятую часть всех административных центров Европейской России. Среднее расстояние между ними оказалось равным 260 км. Поскольку более южные территории России заселены в общем плотнее, названная выше цифра, вероятно, должна быть несколько выше средней. Но и в данном случае оказалось, что в Сибири расстояния между губернскими и областными центрами в три с лишним раза превышали соответствующие величины для России.

В конкретных исторических условиях XVII–XIX вв. низкая плотность населения, вероятно, предохраняла от массовых эпидемий. Эпидемические заболевания почти постоянно проявлялись в Сибири, но таких опустошительных эпидемий, как эпидемия чумы 1654–1657 и 1770–1773 гг., оспы в 1804–

1810 гг., холеры в 1829–1838 и 1847–1862 гг. в Европейской России, общий урон от которых может быть оценен более чем в 3 млн человек, Сибирь не знала.

Низкая плотность населения Сибири способствовала более слабому воздействию на нее общества. Еще в конце XVII в. пашня занимала в Европейской России 7,9% всей территории, а к 1913 г. увеличилась до 22,2%³⁴. Лесопокрытая площадь за это же время уменьшилась с 52,7 до 35,2%³⁵. В Сибири же и на Дальнем Востоке перед Первой мировой войной было учтено 7,6 млн десятин пашни³⁶, что составило 0,7% всей территории. Подсчетов изменения лесопокрытой площади в Сибири за этот период нет, но несомненно, что леса в процентном отношении сократились значительно меньше, чем в России, и что их общая площадь в начале XX в. была большей, чем в России. Хотя в целом благодаря редкому населению сибирская природа пострадала от человека меньше, некоторым наиболее ценным видам животных был нанесен огромный ущерб. Уже к концу XVII в. были подорваны запасы популяции соболя; его количество сильно уменьшилось затем и в начале XX в. Во второй половине XVIII в. было полностью уничтожено уникальное и очень ценное морское животное — стеллерова корова, водившаяся на Командорских островах. Сильно пострадали также популяции камчатского бобра и котиков в Беринговом море³⁷.

Будучи огромной по территории окраиной страны, Сибирь оказалась удобным для правительства России (а позже и советских руководителей), местом массовой ссылки. За весь дооктябрьский период в Сибирь было отправлено на каторгу и ссылку, видимо, менее 1 млн человек. Число ссыльных, отправленных в XIX в., оценивается цифрой, превышающей 500 тыс.³⁸ На рубеже XIX и XX веков общее количество, ссыльных в Сибири составило 300 тыс. человек, или одну девятнадцатую часть населения Сибири³⁹. Лишь очень небольшая часть сосланных приняла участие в освоении Сибири и оставила после себя потомство. Многие из них погибали, примерно треть из них (данные 1900 г.) — бродяжничала, ухудшая криминогенную обстановку, и лишь небольшая часть занималась земледелием или промыслами. Многие из сосланных получили право обзавестись семьей уже в таком возрасте, когда не могли оставить потомство. Доставка ссыльных по этапу, их охрана отнимали значительные силы у сибирского населения. Политические

ссылные оказали большое влияние на развитие культуры, изучение края, активизацию торгово-промышленной, общественной и политической деятельности.

Своеобразным было отношение к Сибири русского правительства, которое хищнически эксплуатировало ее естественные богатства. Еще А. И. Герцен писал: «На нее смотрят только как на подвал, в котором много золота, много меху и другого добра, но который холоден, занесен снегом, беден средствами жизни, не изрезан дорогами, не населен. Это неверно. Мертвящее русское правительство, делающее все насилуем, все палкой, не может сообщить тот жизненный толчок, который увлек бы Сибирь с американской быстротой вперед»⁴⁰. Виднейший знаток и общественный деятель Сибири Н. М. Ядринцев в своей книге, выразительно названной «Сибирь как колония», приходит к подобному же выводу: «Правительство и частные лица соперничают в захвате богатств, и казна, под конец, налагает широкую руку монополии на всякое открытие, на всякий ценный промысел»⁴¹. Созданный в первой половине XVII в. «Кабинет его величества» эксплуатировал богатства Сибири в пользу императорской фамилии, получая огромные ценности в виде пушнины, изымавшейся в счет ясака, уплачиваемого коренными сибирскими народами, а также металлов, добывавшихся на сибирских горных заводах. Современные исследователи единодушно признают особую роль ясака в доходах императорской фамилии⁴².

Природные условия Сибири чрезвычайно затрудняли возможность существования здесь помещичьих хозяйств. По справедливому мнению Г. Ф. Быкони, «помимо неблагоприятных социально-политических условий для их возникновения, также хозяйства чаще всего оказывались экономически просто невыгодными в силу господства натурального хозяйства, слабости рынка из-за огромных транспортных расходов в огромном малонаселенном крае, больших трудностей в использовании принудительного труда, особенно ссыльных, поселщиков и закабаленных сибиряков»⁴³. Поэтому в Сибири середины XIX в. было лишь несколько десятков таких хозяйств. Практически не имея поместий, сибирское дворянство не было помещичьим, было лишено и некоторых корпоративных прав. Губернских и уездных дворянских собраний, возникших при Екатерине II, в Сибири не было.

Огромные размеры административных единиц, удаленность от центра затрудняли возможность правительственного контроля и превратили Сибирь в страну, где злоупотребления администрации были особенно сильными. На отдаленных окраинах Сибири, особенно в районах расселения малочисленных северных народов, купцы нередко становились монополистами, производя по существу грабеж населения, обусловленный ростовщичеством и прямым обманом⁴⁴.

Относительный земельный простор, возможность разнообразных промыслов в тайге, где естественные богатства еще не были серьезно подорваны, отсутствие помещиков — все это способствовало тому, что сибирские крестьяне имели больше скота, чем российские, лучше питались, отличались независимостью характера, и в целом по развитию и уровню жизни находились выше, чем их российские собратья.

Большое значение для Сибири имело то, что главная транспортная артерия пересекала ее в широтном направлении. С середины XVIII в. эту роль играл Московский тракт, с конца XIX в. — Транссибирская магистраль. В отличие от Сибири, в Европейской России основные транспортные артерии были в XVII–начале XX вв. направлены к центру — Москве, а с XVIII в. также и к Петербургу.

Близость Дальнего Востока к Аляске способствовала проникновению и освоению русскими американских территорий. Это дало возможность существования с конца XVIII в. по 1867 г. огромного природно-общественного комплекса территорий, включавших в себя северо-восток Европы, северную Азию и северо-западную Америку. При этом сложился уникальный по своей протяженности путь, связывавший Европейскую Россию через Сибирь, Дальний Восток, Алеутские острова с Аляской. Общая протяженность этой трассы, которую можно было преодолеть, используя и морские, и сухопутные гужевые пути, до 15 тыс. км.

Примечания

¹ Завалишин И. Описание Западной Сибири. М., 1852. С. 1–4; Щапов А. П. О влиянии гор и моря на характер поселений // Щапов А. П. Соч. Т. 2. СПб., 1906. С. 175–176; Щапов А. П. Историко-географическое распределение русского народонаселения // Щапов А. П. Там же. С. 205–207, 254, 290–291; Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб.,

1882. С. 22–35, 68–71 и др. Писарев М. Н. Сибирь. Историко-географический очерк. М.-Пг., 1915. С. 170.

² Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII–начале XVIII вв. М.-Л., 1946. С. 226; Он же. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М., 1956; Скалон В. Н. Русские землепроходцы XVII века в Сибири. М., 1951; Покшишевский В. В. Заселение Сибири (историко-географический очерк). Иркутск, 1951; Павлов П. Н. Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск, 1972; Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVII первая половина XIX вв.). Новосибирск, 1975; Минжуренко А. Б. Роль природных условий Сибири в массовом переселенческом движении крестьян за Урал периода капитализма // Тез. докл. и сообщ. науч. конф. «XXII съезд КПСС и проблемы взаимодействия общества и природы на различных исторических этапах». М., 1987. С. 128–129; Быконя Г. Ф. Географическая среда и особенности русского заселения и освоения Восточной Сибири в XVII–начале XIX вв. // Там же. С. 136–138; и др.

³ Рюмин В. В. Пространственно-временной анализ истории ландшафто-пользования в Южной Сибири // Историко-географические исследования Южной Сибири. Иркутск, 1991. С. 5–7.

⁴ Мищенко И. Г., Урьев Е. А. Роль Сибири в экономике сельского хозяйства страны. М., 1961. С. 12.

⁵ Морозова Т. Г. Экономическая география Сибири. М., 1975. С. 34–35.

⁶ Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М., 1956. С. 253.

⁷ Щапов А. П. Историко-географическое распределение русского народонаселения. Естественные и умственные условия земледельческих поселений в России // Щапов А. П. Соч., Т. 2. СПб., 1906. С. 204, 206.

⁸ История Сибири. Л., 1968. Т. 2. С. 376.

⁹ Арсеньев К. Статистические очерки России. СПб., 1848. С. 245–475.

¹⁰ Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Ч. 1. С. 279; Ч. 2. С. 287.

¹¹ Дулов А. В. Географическая среда и история России (Конец XV–середина XIX вв.). М., 1983. С. 92–96.

¹² Тенгоборский Л. В. О производительных силах России. Пер. с франц. М., 1854. Ч. 1. С. 313–314.

¹³ Хроленок С. Ф. Золотопромышленность Сибири (1832–1917). Иркутск, 1990. С. 6.

¹⁴ Шунков В. И. Указ. соч. С. 314–315.

¹⁵ Покшишевский В. В. Указ. соч. С. 107.

¹⁶ Обзор внутреннего судоходства Европейской России за 1854 год. СПб., 1855 («Ведомость об открытии и закрытии судоходства в 1854 г.». С. 1–6); Гагемейстер Ю. А. Указ. соч. Ч. 2. С. 652.

- ¹⁷ Соболев М. Пути сообщения // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. Сб. статей. СПб., 1908. С. 28.
- ¹⁸ Черкасов А.А. Записки охотника Восточной Сибири (1856–1863 гг.). Чита, 1958. С. 62.
- ¹⁹ Зябловский Е. Новейшее землеописание Российской империи. СПб., 1807. Ч. 1. С. 199.
- ²⁰ Дробижев В.З. Ковальченко И.Д., Муравьев А.В. Историческая география СССР. М., 1973. С. 141.
- ²¹ Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 2. С. 380.
- ²² Головачев П. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. М., 1905. 2-е изд. С. 265.
- ²³ Митропольский Б. Мамонт // Сибирская советская энциклопедия. Т. 3. С. 285.
- ²⁴ Площадь поясов подсчитана на основании поуездных данных о площади уездов в кн.: Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 88–89. Общая площадь Сибири оказывается равной 9947 тыс. кв. км., что несколько ниже определяемой ныне, и, очевидно, связано с неточностями измерений начала XX в. Но так как для нас главное — выявить особенности распределения жителей Сибири по зонам, то эти погрешности не окажут существенного влияния на выводы.
- ²⁵ Сведения о размещении населения острогов взяты из: Покшишевский В.В. Заселение Сибири (Историко-географические очерки). Иркутск. 1951. С. 71–72.
- ²⁶ Данные взяты: Кеппен П. Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 г. СПб., 1857. С. 56, 57, 60, 65, 141, 144, 157. Численность войск в таблице не учитывается. Сведения о населении Туруханского края, занимавшего северную часть Енисейского округа, взяты: Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865. С. 1.
- ²⁷ Составлено по: Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 88–89.
- ²⁸ Покшишевский В.В. Заселение Сибири. Иркутск, 1951. С. 140.
- ²⁹ Кульпин Э.С. Человек и природа в Китае. М., 1990. С. 218–219.
- ³⁰ Краины России. Сибирь, Туркестан, Кавказ и полярные части Европейской России. СПб., 1900. С. 2–3.
- ³¹ Подсчет произведен по: Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). М., 1956. С. 77, 83.
- ³² Азиатская Россия. Т. 1. С. 43. Подсчет площади территорий Сибири произведен по данным, приведенным на той же странице.
- ³³ Там же. С. 44.
- ³⁴ Цветков М.А. Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 год. М., 1957. С. 110; данные за 1913 г. подсчитаны по: Вольпе В.М., Клупт В.С. Лекции по экономической географии СССР. Л., 1969. Ч. 1. С. 224–225.
- ³⁵ Цветков М.А. Указ. соч. С. 110, 132.

- ³⁶ История Сибири. Л., 1966. Т. 3. С. 201.
- ³⁷ Головачев П. Указ. соч. С. 262–264.
- ³⁸ Покшишевский В.В. Указ. соч. С. 121.
- ³⁹ Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. СПб., 1900. С. 335–336.
- ⁴⁰ Герцен А.И. Былое и думы. М., 1946. С. 134.
- ⁴¹ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1882. С. 229.
- ⁴² См., например: Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII–первой половине XIX в. Новосибирск, 1975. С. 260; Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири в период империализма. Новосибирск, 1976. С. 256; Дамешек Л.М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX–начале XX века. Иркутск, 1983. С. 134.
- ⁴³ Быконя Г.Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII–начале XIX в. Красноярск, 1985. С. 246.
- ⁴⁴ Ядринцев Н.М. Указ. соч. С. 271–279.

Ю.А. Зулярь

ЖИВОТНОВОДСТВО В БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ В XX ВЕКЕ: МЕЖДУ ПОЛИТИКОЙ И ЭКОНОМИКОЙ

Вопросы развития регионального животноводства вызывают непрерывный интерес у разных поколений исследователей аграрной истории Байкальской Сибири. В этом ряду необходимо выделить Ч.Г. Андреева, И.А. Асалханова, М.Н. Балкова, М.Т. Бурueva, Б.Р. Буянтуева, М.А. Винокурова, Ц.Б. Галданова, Л.М. Горюшкина, М.П. Демину, В.М. Жуковского, Л.А. Зайцеву, Б.М. Ишмуратова, Л.Л. Калеп, Н.Н. Козьмина, Н.Р. Мангутова, А.В. Мельника, К.Н. Миротворцева, Л.Г. Намжилову, Г.Ш. Раднаева, В.Б. Саганова, И.С. Степичева, А.П. Суходолова, А.К. Тулохонова, В.Н. Шерстобоева, В.П. Шощого¹ и многих других. Вместе с тем, пока отсутствуют работы, в которых показана динамика регионального животноводства и дан анализ этих процессов в полных рамках XX в., не выявлена корреляция поголовья регионального стада с политикой Центра и природно-климатическими параметрами